
А. А. ФОРМОЗОВ

КАМЕНЬ «ЩЕГЛЕЦ» БЛИЗ НОВГОРОДА И КАМНИ-«СЛЕДОВИКИ»

Общеизвестно, какое большое значение для исследования духовного мира первобытного человека имеют наскальные изображения. Не меньшую роль играют эти специфические исторические источники и при изучении древних культурных связей.

Археологи и этнографы лишь приступают к освоению этих богатейших материалов. Многие давно уже открытые памятники до сих пор не проанализированы, а каждое десятилетие приносит новые находки росписей и гравировок на скалах.

По количеству таких рисунков в СССР на первом месте стоят Сибирь и Средняя Азия. Заметно уступают им Урал и Кавказ. Совсем мало наскальных изображений выявлено на Украине и Европейском Севере. Между тем, есть основания думать, что целеустремленные поиски и в этих районах могут увеличить запас наших сведений об искусстве и идеологии первобытного общества.

Помимо интереснейших петроглифов Карелии — силуэтов людей и животных, выбитых на гранитных берегах Онежского озера и Белого моря¹, наш Север таит еще ряд аналогичных памятников. В 1948 г. С. Н. Замятнин счел возможным поместить на карте находок произведений неолитического искусства Северо-Восточной Европы еще три пункта местонахождения петроглифов, к сожалению, не указав, какими данными о них он располагает².

В настоящем сообщении будет рассказано об изображениях на одном камне, которые с полным правом можно включить в группу древнейших рисунков лесной зоны Европейской части СССР. Этот камень находится на левом берегу р. Вишеры, в русле впадающего в нее ручья Щеглец, напротив небольшого хутора «Поселок», между селами Мытно и Посад Мстинского района Новгородской области. Камень лежит в 100 м выше устья ручья, ближе к правому его берегу. Мыс на этом берегу расчищен от леса, левый берег и русло ручья заросли деревьями и кустарниками. В августе 1964 г. ручей был сухим.

По имени ручья — первого выше с. Мытно притока Вишеры, Щеглем называют и сам камень. С ним у местного населения связаны легенды о кладе и провалившейся под землю церкви. На левом берегу ручья видны ямы от кладонискательных раскопок. Наша проверка показала, что культурного слоя на обоих мысах при устье Щеглеца нет.

¹ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера, Л., 1936; его же, Наскальные изображения Белого моря, Л., 1938.

² С. Н. Замятнин, Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы, «Сов. археология», X, 1948, рис. 1.

Камень был дважды отмечен в литературе, хотя оба упомянувших о нем автора сами его не видели³. В 1955 г. Щеглец осмотрел доцент Новгородского педагогического института С. Н. Орлов. Позднее здесь побывали сотрудник Новгородского музея М. М. Аксенов и краевед С. Н. Ильин. В 1964 г. благодаря любезному содействию Новгородской экспедиции Института археологии АН СССР и С. Н. Орлова я получил возможность посетить ручей Щеглец и снять копию с изображения на камне⁴.

Это типичный гранитный валун яйцевидной формы длиной 3,7 м, шириной 1,6—2,3 м. Он врос в землю, так что его высота не может быть замерена с точностью, но, во всяком случае, она не меньше 1,5 м. Вокруг, в особенности в русле Вишеры, множество совершенно таких же валунов. Поверхность камня неровная за исключением участка, высотой 1,2 и шириной 1,4 м, на восточной торцевой стороне монолита. Здесь то и нанесены древние рисунки. Камень был очищен от покрывавшего его мха, но других знаков на валуне не обнаружилось. Стоит отметить только два естественных чашевидных углубления на верхней его части. Это обстоятельство могло играть какую-то роль при почитании камня в первобытные времена.

Знаки занимают всю верхнюю треть восточного торца камня и левую половину средней трети. Нижняя правая часть этой поверхности менее гладкая. Здесь имеются три древних скола, и наносить гравировки тут было менее удобно. В целом размер поля с изображениями — 1,25×0,7 м. Ширина линий гравировок в среднем — 1 см, а кое-где 1,2 см, глубина — 3 мм. Они гладко заполированы и в сечении представляют собой полуовал. Маловероятно, что эти линии вырезаны, процарапаны металлическим орудием. Скорее всего они протерты, заполированы камнем. Гранит валуна очень крепкий.

Знаков шесть, или, если объединить их попарно, — три. Сверху находится овал с вписанным крестом. Верхняя и обе боковые линии креста продолжены за линию овала до края валуна. Длина горизонтальной линии — 95 см, вертикальной — 31 см. От горизонтальной линии по обе стороны овала поднимаются две грибовидные фигуры. У обеих линия «ножки» продлена до пересечения с вершиной «шляпки», а у правой фигуры, кроме того, по обе стороны этой линии внутри сегмента расположены два кружка. Эта фигура производит впечатление некой личины. В левый нижний сектор овала вписаны два косых креста, а вне его под левой грибовидной фигурой вырезан кружок.

Ниже и левее овала выгравированы две ладони и две ступни. Гравировкой очерчен общий овальный контур ступни и контур ладони с отставленным большим пальцем. Затем уже в пределах этого замкнутого контура прорезаны короткие линии, отделяющие пальцы друг от друга. На стопах линии проведены так, что большой палец получился шире остальных. На левой ступне внутри контура только три линии вместо четырех, и мизинец пририсован к контуру особо. В центре стоп еще по две линии, образующие косой крест. Длина ладоней — 20 см, стоп — 30 см, ширина и у ладоней и у стоп — 15 см (рис. 1).

И стопы, и ладони, и солярный знак — овал с вписанным крестом — мы увидим на многих наскальных изображениях эпохи бронзы. Там они

³ И. В. Аничков, Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии, М., 1915, стр. 15; Н. Г. Порфиридов, Камни с изображениями и знаками, «Новгородский исторический сборник», вып. 7, 1940, стр. 116.

⁴ Пользуюсь случаем выразить свою признательность Б. А. Колчину, С. Н. Орлову и В. Л. Янину за помощь при обследовании камня и С. Н. Ильину — за указание ряда источников.

часто встречаются и в сочетании в одних и тех же комплексах. Из них территориально наиболее близкими к Новгороду являются петроглифы южной Швеции. Они точно датированы благодаря рисункам бронзовых топоров и кинжалов 1400—750 гг. до н. э.⁵ Здесь мы найдем все три зна-

Рис. 1. Гравировки на восточной торцевой стороне камня Щеглец (фото С. Н. Ильина)

ка. Рассмотрение шведских петроглифов убеждает в том, что сложный солярный знак на камне Щеглец не что иное, как изображение солнечной колесницы. Рядом с солнечным диском в Швеции не раз (Рисхед, Дизазен, Френнарп) показаны грибовидные и Ф-образные фигуры, в которых можно видеть какую-то деталь повозки — ее дышло или укрепленный на ней штандарт (рис. 2, 1—3)⁶. Внутри гравированных контуров стоп в Швеции в ряде случаев проведены линии, отделяющие пальцы друг от друга, а иногда и какие-то дополнительные черточки, как и на камне Щеглец⁷.

Обнаружены в Швеции не только большие панно с гравировками, но и отдельные валуны с изображениями. Таков камень из Гьютаторпа, где композиция, включающая стопы и колесницы, занимает площадь немногим большую, чем на Щеглеце — $3,7 \times 1$ м⁸.

Помимо шведских наскальных изображений, близкие аналогии знакам Щеглеца дают гравировки Каменной могилы под Мелитополем. Здесь на камнях вырезаны и стопы, и ладони, и круги со вписанными крестами. Их линии продолжены за линию круга, а в одном случае имеют и перпендикулярные ответвления (рис. 2, 5, 6)⁹. Особенно любо-

⁵ Н. Kühn, *Die Felsbilder Europas*, Zürich — Wien, 1952, стр. 159.

⁶ См. С. Althin, *Studien zu den bronzezeitliche Felszeichnungen von Skane*, B. II, Lund, 1945, табл. 71; S. Marstrander, *Østfolds lirdbrucksristninger*, Skjeberg, Oslo, 1963, фиг. 45, 4, 7.

⁷ S. Marstrander, *Указ. паб.*, рис. 55, 5.

⁸ Н. Kjellmark och O. Lindsten, *Nyrptäckta Hällristningar vid Hjulatorp i bergs Socken Kronbergs Län, «Fornvännen»*, 4, Stockholm, 1909, стр. 187—194.

⁹ М. Я. Рудинський, *Кам'яна могила*, Київ, 1961, рис. 40, 59, 60, табл. XX—XXIII, XXV.

пытны стопы. Это овальные контуры, внутри которых проведены линии, разделяющие пальцы (большой обычно толще других), и еще какие-то линии, в том числе и образующие крест. По мнению М. Я. Рудинского, эти дополнительные линии внутри контура ступни указывают на то, что перед нами след обутой ноги. Линии обозначают завязки сандалий¹⁰. Так ли это, сказать трудно. Часто внутри контура ступни заключены слишком сложные фигуры, чтобы можно было счесть их за отпечаток завязок обуви.

Вопрос о датировке гравировок Каменной могилы до сих пор остается дискуссионным, однако солярные знаки и изображения стоп без особых колебаний можно отнести к бронзовому веку. Это подтверждают, в частности, недавние находки по соседству с Мелитополем — в Крыму. Тут в курганах второго тысячелетия до н. э. обнаружены плиты камня со знаками-углублениями в виде стоп и кругами с перекрестием¹¹.

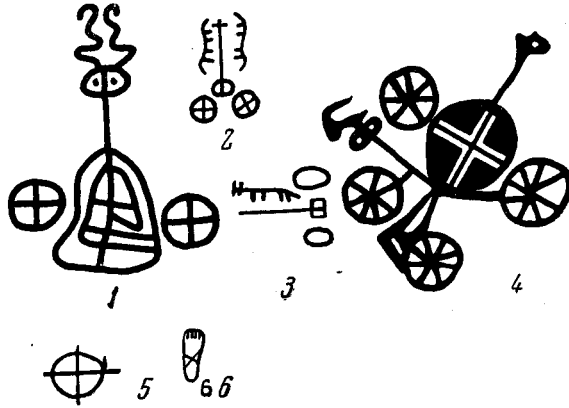

Рис. 2. Аналогии к изображениям на камне Щеглец: 1 — Френнарп (Южная Швеция, по К. Альтину), 2 — Рисхед (Богуслен, по С. Марстрандеру), 3 — Дизазен (Богуслен, по С. Марстрандеру), 4 — Хобдосомон (Южная Гоби, по А. П. Окладникову), 5—6 — Каменная могила (Северное Причерноморье, по М. Я. Рудинскому)

Упомянем и еще одну территориально отдаленную аналогию — солнечную колесницу, вырезанную на скале Хобдосомон в Южной Гоби. Для нас интересна Ф-образная фигура рядом с кругом с вписанным крестом в центре колесницы (рис. 2, 4). А. П. Окладников датирует это изображение бронзовым веком, а сходную с личиной Щеглеца фигуру принимает за штандарт скифского типа¹².

Можно было бы привести здесь полный перечень наскальных изображений, где встречаются те же три сюжета, что и на камне Щеглец, но мы ограничимся отдельными примерами. Изображения стоп отмечены на петроглифах Карелии¹³, на камнях в Кобыстане близ Баку¹⁴ и в Литве¹⁵, на писаницах Сибири и Урала¹⁶, на каменных бабах ямной культуры в Причерноморье¹⁷. Колесницы выгравированы на камне в Кобыстане¹⁸,

¹⁰ Там же, стр. 71.

¹¹ А. А. Шепинский, Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма, «Сов. археология», 1961, № 2, стр. 227—229, рис. 1, 1, 2; его же, Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, «Сов. археология», 1963, № 3, рис. 4, 19, стр. 41, 45.

¹² А. П. Окладников, Олень — золотые рога, Л.—М., 1964, табл. после стр. 208, стр. 210.

¹³ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Белого моря, табл. 2, 3, 23, 27.

¹⁴ И. М. Джафарзаде, Наскальные изображения Кобыстана, «Труды Ин-та истории АН АзербССР», т. XIII, Баку, 1958, стр. 36.

¹⁵ P. Tagasenka, Pedos akmenije, Vilnius, 1958, рис. 11.

¹⁶ И. Т. Савенков, О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, «Труды XIV археологического съезда», т. I, 1910, табл. VII, 9, 14, 19; IX, 6; В. Н. Чернецов, Наскальные изображения Урала, М., 1964, рис. 7, 6.

¹⁷ A. Häusler, Die Felszeichnungen der Kamennaja Mogila bei Melitopol und die megalithischen Einflüsse in Südrußland, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität», Halle — Wittenberg, Gesellschaft-Sprachwissenschaftliche Reihe, VII, 2, 1958, табл. IV, 5; VIII, 3.

¹⁸ И. М. Джафарзаде, Указ. раб., рис. 36.

близ Буйнакса в Дагестане¹⁹ и в Каратегине в Таджикистане²⁰. Карельские, уральские и кавказские памятники также датируются бронзовым веком. Все это свидетельствует о широком распространении в эпоху бронзы одних и тех же мифов и представлений.

Существенно, однако, что стилистически перечисленные изображения отличаются от знаков Щеглеца и их ближайших аналогий в Швеции и на Каменной могиле. Стопы на писаницах Сибири и Урала и на стенах кремневых шахт в Кшеменках Опатовских в Польше²¹ нанесены красной краской и каждый палец показан здесь отдельно. На Белом море и в большинстве рисунков на скалах в Скандинавии стопы целиком выбиты в камне, и пальцы или не изображены вовсе, или отделены друг от друга. Колесницы еще менее похожи на схематическую фигуру Щеглеца.

Из этого обзора следует, что близкие аналогии знакам Щеглеца в южной Швеции и на Каменной могиле не случайны. Это показатель реальных культурных связей бронзового века. В археологическом материале отражением их являются находки кельтов меларского типа в Восточной Европе. Улавливаются эти связи и при анализе памятников искусства. Так, изображения топоров на стеле из Бахчи-эли в Крыму уже сопоставлялись с рисунками на скалах в Швеции²². Открытие гравировок, сходных, с одной стороны, со шведскими, а с другой — с причерноморскими, в промежуточном районе подкрепляет это ранее высказанное предположение.

Сравнение знаков Щеглеца со знаками на скалах в других областях Европы позволяет прийти к нескольким выводам: 1. Кроме петроглифов Карелии на Европейском Севере есть и другие камни с изображениями первобытной эпохи. 2. Вероятно, гравировки Щеглеца позже карельских, где мы не найдем изображений колесниц. Тем самым лишний раз подтверждается мнение исследователей, датировавших петроглифы Карелии первой половиной второго тысячелетия до н. э.²³ 3. Рисунки на камне Щеглец запечатлели идеологические представления, распространенные в эпоху бронзы очень широко. Это представления о солнечной колеснице, об особой роли следа. Напрашивается и четвертый, сугубо практический вывод о необходимости специальных поисков камней с изображениями в лесной зоне Европейской части СССР. Указания на такие камни можно найти в литературе XIX в. Ни одно из них не было проверено археологами²⁴.

Особую категорию составляют камни-«следовики»²⁵ — валуны с уг-

¹⁹ В. И. Марковин, Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса, «Материалы по археологии Дагестана», т. II, Махачкала, 1962, рис. 6.

²⁰ А. М. Мандельштам, Наскальные изображения «Текке-таш» в Каратегине, «Изв. отд. общественных наук АН ТаджССР», 1961, № 1, рис. 1, 4.

²¹ T. Zugowski, *Swit górnictwa*, Warszawa, 1962, рис. на стр. 153.

²² А. А. Формозов, Материалы к изучению искусства эпохи бронзы Юга СССР, «Сов. археология», 1958, № 2, стр. 138—139.

²³ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 106, 110. Как известно, М. Беркитт относил карельские петроглифы к гораздо более позднему времени (M. C. Burkitt, *Prehistory*, I, Cambridge, 1921, стр. 303).

²⁴ Ф. Н. Глинка, Мои замечания о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии в Бежецком уезде, «Русский исторический сборник», т. I, кн. II, М., 1834, стр. 4, 5, 20. В примечании к этой статье редактор сборника М. П. Погодин писал, что он осматривал камни, найденные Глинкой, и думает, что знаки на них естественного происхождения (стр. 29). Некоторые рисунки в статье Ф. Н. Глинки тоже говорят об этом. Однако 37 лет спустя М. П. Погодин воспроизвел все рисунки Глинки в своей «Древней русской истории до монгольского ига» (т. III, отд. I, М., 1871, л. 10). См. также: В. А. Плетнев, Об остатках древности и старины в Тверской губернии, Тверь, 1903, стр. 43.

²⁵ Термин предложен С. Н. Ильиным.

лублениями, более или менее похожими на отпечаток ступни человека. Многочисленные упоминания таких камней попадают в дореволюционных археологических картах²⁶. Говорится об этих камнях и в антирелигиозной литературе²⁷. Из этих упоминаний видно, что до сравнительно недавнего времени существовало почитание камней с углублениями. В следах на камне видели отпечаток ноги богородицы (Почаево²⁸, Миткишес, Мейры²⁹, Рось, Зосимовичи, Малеша³⁰, Александра Невского (Куликово поле)³¹, святого Зосимы (Боровичский округ), Ильи (Онежское озеро), Николы (Красноборье на Северной Двине)³², Кирилла (район Кирилло-Белозерского монастыря)³³, Александра Ошевского (Белозерье)³⁴. Православная церковь усиленно поддерживала эти поверья. У некоторых камней были построены часовни. Дождевая вода из «следа» почиталась святой³⁵. Кое-где поклонение камням сохранилось до сего дня, например в Почаеве, где «камень со стопой богородицы» служит святыней в действующем монастыре.

Значительно реже следы приписывают нечистой силе (Ольшаны, Росальщица)³⁶. Именно так воспринимали в народе изображения следов на Белом море. Отсюда и название петроглифов «чертовы следки». Любопытно, что на камне из Росальщицы, как и на петроглифах Бесова носа на Онежском озере, был выбит крест. Всего в дореволюционных изданиях перечислено более трех десятков камней-следовиков.

В последние годы этими камнями занимались покойный П. Ф. Тарасенко в Литве³⁷ и краевед из г. Шуи С. Н. Ильин — в северо-западных областях РСФСР. С. Н. Ильин исходил пешком свыше 4000 км по лесным и болотистым районам Калининской, Смоленской, Новгородской и других областей и сфотографировал и описал 20 с лишним камней, главным образом ранее неизвестных. Работы краеведа-энтузиаста не раз освещались на страницах газет и журналов³⁸. Сам он опубликовал пока две небольшие заметки³⁹. Историки, археологи, этнографы ждут описа-

²⁶ Ф. В. Покровский, Археологическая карта Виленской губернии, «Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда», Вильно, 1893, стр. 4, 73, 87, 92, 96; его же, Археологическая карта Гродненской губернии, «Труды IX археологического съезда», т. I, 1895, стр. 20, 42, 46, 82, 124; Е. Р. Романов, Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский, Могилев, 1898, стр. 105, 124, 129, 130, 156; В. Г. Антонович, Археологическая карта Волынской губернии, «Труды XI археологического съезда», т. I, 1901, стр. 15, 16, 25; Н. Окулич-Казарин, Материалы для археологической карты Псковской губернии, «Труды Псковского археологического общества», вып. 10, 1914, стр. 163, 168, 170, 195; В. А. Плетнев, Указ. раб., стр. 28.

²⁷ Н. Маторин, Женское божество в православном культе, М., 1931, стр. 30.

²⁸ П. Н. Батюшков, Волынь, СПб., 1888, примечания, стр. 84.

²⁹ Ф. В. Покровский, Археологическая карта Виленской губернии, стр. 73, 96.

³⁰ Ф. В. Покровский, Археологическая карта Гродненской губернии, стр. 42, 82, 124.

³¹ В. Афанасьев, Куликово поле, «Военно-исторический журнал», 1941, № 2, стр. 154.

³² Н. Маторин, Указ. раб.

³³ С. П. Шевырев, Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, ч. II, М., 1850, стр. 57.

³⁴ П. Шереметьев, Зимняя поездка в Белозерский край, М., 1902, стр. 138.

³⁵ Н. Маторин, Указ. раб., стр. 30.

³⁶ Ф. В. Покровский, Археологическая карта Виленской губернии, стр. 87, 92.

³⁷ Р. Тагасенка, Указ. раб.

³⁸ Н. Гончаренко, Загадочные знаки, «Огонек», 1956, № 4, стр. 32; Г. Марягин, Загадочные камни, газ. «Известия», 24 июня 1960 г., № 149; В. Песков, Знаки на камнях, газ. «Комсомольская правда», 30 июня 1962 г., № 150; «Камни-следовики», «Знание — сила», 1962, № 8, стр. 23; А. Попов, Тайны каменных знаков, «Наука и жизнь», 1964, № 6, стр. 135—139.

³⁹ С. Н. Ильин, История открывает свои тайны, газ. «Рабочий край», 14 июля 1962 г., Иваново; его же, Новый эпиграфический памятник XII века в верховьях Волги, «Кр. сообщения ИИМК», вып. XVII, 1947, стр. 179—181.

ния выявленных С. Н. Ильиным камней, подготовляющегося им к печати. Сейчас же кажется уместным поделить некоторые соображения, вызванные информацией о находках С. Н. Ильина. Хочется, чтобы его самоотверженный труд принес более богатые плоды.

Мнение С. Н. Ильина сводится к трем основным положениям. Следы на камнях выбиты человеком эпохи неолита и бронзы. Это «памятники правовых отношений», знаки собственности родов и племен, порубежные камни. Использование их религией — явление позднее. С этими установками нельзя не поспорить.

Прежде всего, многие «следы» отнюдь не выбиты человеком, а представляют собой только результат разрушения камня естественными процессами. Таков, например, камень-следовик близ г. Киржач, осмотренный О. Н. Бадером в 1965 г. Далее, нет никаких оснований видеть в камнях порубежные знаки и считать, что поклонение камням возникло лишь с христианством. Почитание священных следов на камне — очень древнее общечеловеческое явление⁴⁰. В Индии поклоняются камням со следами Вишну, на Цейлоне — следам Будды⁴¹. Мусульмане почитают след Мухаммеда — «кадам шериф» на скале у мечети в Иерусалиме и отыскивают такие же следы во всех частях света⁴². В Западной Европе известны камни со «следами» Христа и Марии в церквях Вюрцбурга и «чертов след» в Дрездене⁴³. Маорийцы указывают на след великана на скале⁴⁴, бауле (Берег Слоновой Кости) — след бога Анангама. Г. Химмельхебер, осмотревший это углубление, пишет, что оно естественное и на след даже не похоже⁴⁵. Изображения стоп мы найдем и среди рисунков на скалах американских индейцев (Аризона, Калифорния, Колорадо, Пенсильвания, Висконсин, Новая Вирджиния)⁴⁶ и в ряде районов Африки (Катанга, Бечуандленд)⁴⁷.

Таким образом, у разных народов, стоявших на далеких друг от друга ступенях развития, наблюдается поклонение камням со «следами» божеств или героев. Иногда это естественные углубления в камне, иногда — изображения стоп. Данные о таких камнях у бауле и маори показывают, что это почитание восходит к первобытной эпохе и вовсе не связано с позднейшим осмыслением пограничных камней религией классового общества. В первом упоминании камня-следовика в письменных источниках — у Геродота — «отпечаток ступни Геракла» на Днестре — оценивается как «достопримечательность», а вовсе не как пограничный знак⁴⁸.

Исходя из этого, можно сказать, что при изучении камней-следовиков важна не столько археологическая сторона дела (ведь многие камни совсем не обработаны человеком), сколько этнографическая. Нужно собирать предания и легенды о камнях-следовиках — остатки очень древних представлений, а не отмахиваться от этих легенд, называя их новейшими выдумками духовенства. Христианство и здесь, как и в ряде других случаев, лишь восприняло древние языческие культы. К сожалению, при походах за следовиками С. Н. Ильин этнографической работы не ведет.

⁴⁰ M. Baruch, *Boże stopki*, Warszawa, 1907.

⁴¹ Н. Кюһн, Указ. раб., стр. 162—164.

⁴² А. Массе, *Ислам*, М., 1962, стр. 71.

⁴³ Н. Кюһн, Указ. раб., стр. 162—164.

⁴⁴ А. В. Рид, *Мифы и легенды страны Маори*, М., 1960, стр. 97.

⁴⁵ Г. Химмельхебер, *Аура Поку*, М., 1960, стр. 37, 233.

⁴⁶ G. Mallery, *Picture writing of the american indians*, «Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology», Tenth annual report 1888—1889, Washington, 1893, рис. 5, 7; 35; 36, 57; 70, 1; 92; 1088; табл. I—IV.

⁴⁷ А. Алиман, *Доисторическая Африка*, М., 1960, фиг. 134, фото XXIII, 2.

⁴⁸ Геродот, *История*, IV, 82 (В. В. Латышев, *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе*, «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 274).

Каково же происхождение культа следов на камне, отразившегося и в наскальных изображениях, где следы выбивали, вырезали или наносили краской, и в камнях-следовиках, валунах с естественными углублениями, почитавшихся по всему миру с глубокой древности и до недавнего времени? Культ камней известен у всех народов. Хорошо представлен он и на Европейском Севере, например у лопарей (саамов), почитающих «сейды» — священные камни, которые нередко обмазывают жиром и кровью⁴⁹. О поклонении камням в Новгородской округе уже в 1534 г. упоминает Псковская II летопись⁵⁰. Пережитки подобных верований отмечались у славян и в XIX в.⁵¹.

Вполне понятна и огромная роль следопытства в жизни охотников. Первобытный человек, как и современные охотники, свободно разбирался в запутанной сети следов птиц, зверей и людей и судил об их поведении по разнообразным отпечаткам, оставшимся на земле.

Это нашло отражение и в искусстве. В изображениях охоты на медведя, вырезанных на деревянных ковшах, нивхи показывают и следы медведя, и следы охотников, и даже кружки на снегу от лыжных палок⁵². Точно так же на недавно открытой Ю. А. Савватеевым группе петроглифов близ Беломорска в сцене охоты лыжников на лосей мы увидим и следы лося, и лыжни, и отпечатки лыжных палок⁵³. И в том, и в другом случае эти третьестепенные для современного художника детали входят в очень обобщенную, очень схематизированную композицию. Первые изображения следов парнокопытных животных мы найдем еще в палеолите в рисунках на стене пещеры Пилета⁵⁴. В данной связи не так важно, как интерпретировать все эти изображения. Некоторые из них — нивхские, например, может быть и не связаны с культом. Сейчас для нас существенна лишь большая роль следа в первобытном искусстве.

Естественно, что, заметив на камнях углубления, похожие на след, первобытный человек считал такие камни особенными, священными. Не удивительно и то, что в росписях и гравировках на скалах следы занимают немалое место.

Может возникнуть вопрос, почему же изображения стоп человека особенно характерны не для искусства палеолитических и мезолитических охотников⁵⁵, а для второго тысячелетия до н. э., когда охота, а за ней и следопытство утрачивали свое значение. Думается, что это стоит в прямой связи с общей эволюцией первобытного мышления. В палеолитической живописи Франции, на неолитических сибирских писаницах, в раннем бушменском искусстве нет или почти нет изображений людей. Все внимание художника сосредоточено на животных. Только в третьем — втором тысячелетиях до н. э. образ человека вытесняет образ зверя. Тогда, в частности, появляются первые монументальные памятники человеку — каменные бабы, а боги-животные сменяются человекоподоб-

⁴⁹ Н. Харузин, Русские лопари, «Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. LXVI, «Труды этнографического отделения», т. X, М., 1890, стр. 182—193.

⁵⁰ «Полное собрание русских летописей», т. V, СПб., 1851, стр. 73.

⁵¹ А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. II, М., 1868, стр. 359—360.

⁵² С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», XXII, 1954, рис. 246—248, стр. 396—398.

⁵³ I. Savvatejev, Uusia kivikirjan si vuja, «Punalippu», 1965, No 2, Petroskoi, стр. 107.

⁵⁴ K. Lindner, Die Jagd der Vorzeit, Berlin — Leipzig, 1937, табл. 3, а.

⁵⁵ Единственное изображение двух человеческих стоп имеется в пещере Ла Пасьера (P. Graziosi, L'Arte dell'antica età della pietra, Firenze, 1956, табл. 260, е), но палеолитическое ли оно?

ными богами⁵⁶. Для первобытного художника след человека был одной из важнейших граней его образа. В Греции, где очень долго Аполлона чтили в виде каменных и медных столбов, в святилище в Амиклах Павсаний застал примитивное изваяние этого бога: «если не считать того, что эта статуя имеет лицо, ступни ног и кисти рук, то все остальное подобно медной колонне»⁵⁷.

Очень важно, что на ряде каменных баб — и французских (Морель)⁵⁸ и румынских (Гаманджия), и южнорусских (Белогрудовка, Новочеркасск)⁵⁹ — сзади выгравированы стопы. Скорее всего это след погребенного, запечатленного в камне вождя или другого выдающегося члена рода. Рассказ «отца истории» об отпечатке ступни Геракла на скале у Тираса свидетельствует о почитании следа местного героя, так называемого скифского Геракла⁶⁰. Любопытно, что некоторые следы, как созданные человеком, так и естественного происхождения, отличаются очень большими размерами. «След Геракла» имел в длину «два локтя», т. е. около метра. Одна из стоп, вырезанных на Каменной могиле, достигает в длину 50 см⁶¹, «след Александра Невского» на Куликовом поле — 33 см⁶², след на камне у дер. Новая Калининской области — 52 см⁶³. Таким образом, в бронзовом и железном веке обитатели Восточной Европы, как и маорийцы, поклонялись следам великанов, героев, человекоподобных богов. Что же касается уменьшения роли следопытства с упадком охоты, то это, видимо, не совсем верно. У скотоводов-туркмен следопытство очень развито. Туркмены легко отличают по следам одного верблюда от другого, даже если в стаде десятки голов⁶⁴.

Предшествовало ли поклонению следам человека поклонение камням со следами животных? Если верить старым источникам и наблюдениям С. Н. Ильина, такие камни существуют. С. Н. Ильин упоминает камни со следами козы, медведя, рыси, кабана⁶⁵ (археологам еще предстоит проверить — естественные это углубления или искусственные.) Индейцы Огайо изображали на скалах следы птиц, копытных и медведей⁶⁶. Возможно, что нечто подобное имело место и в Восточной Европе, но эти представления, как более архаичные, почти не сохранились в этнографическом материале. Уцелели лишь пережитки позднейших представлений о следах божеств и великанов. Этот пласт древних поверий на камне возникает в эпоху металла, примерно в тот же период, когда распространяется миф о солнечной колеснице.

Оба сюжета, запечатленные на камне Щеглец, одновозрастны. Они характеризуют заключительный этап бронзового века, конец второго — начало первого тысячелетия до н. э. Отдельные отголоски тех же древних верований кое-где еще не заглохли, и изучением их стоит заняться этнографам.

⁵⁶ Подробнее см.: А. А. Формозов, Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР, «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 6, стр. 106—110.

⁵⁷ Павсаний, III, 19, 2.

⁵⁸ M. Hoernes, O. Menghin, Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, Wien, 1925, стр. 217.

⁵⁹ A. Häusler, Указ. раб., табл. IV, 5; VIII, 3.

⁶⁰ Б. Н. Граков, Скифский Геракл, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XXXIV, 1950, стр. 7—18.

⁶¹ М. Я. Рудинский, Указ. раб., табл. XXIII.

⁶² В. Афанасьев, Указ. раб., стр. 154.

⁶³ А. Попов, Указ. раб., стр. 137.

⁶⁴ Иомуд-Хан Карашхан Оглы, Изчи (следопыты у туркмен), «Изв. Туркестанского отд. РГО», т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 146—150.

⁶⁵ А. Попов, Указ. раб., стр. 139; Н. Гончаренко, Указ. раб., стр. 32; ср. В. Антонович, Указ. раб., стр. 16; В. А. Плетнев, Указ. раб., стр. 28.

⁶⁶ G. Mallery, Указ. раб., рис. 64—67.